

роя с героиней и ее «защитниками», ангелом и богом, то есть его столкновением с людьми и миром, и поэма органически вписывается в контекст всего творчества Лермонтова, центральной проблемой которого является проблема взаимоотношений личности и общества или шире — человека и окружающего его мира.

Вместе с тем, определяя таким образом основные структурные элементы поэмы, мы не должны забывать о том, что и философия и психология уже мыслились в России 30-40-х гг. XIX века не абстрактно, а в значительной мере социально. Отсюда — вполне ощутимый социальный подтекст, пронизывающий все структурные элементы поэмы. Наличие этого подтекста, позволяя поставить указанную выше проблему при раскрытии произведения, построенного на мифе, порождает и одну из самых распространенных трактовок поэмы, которую мы определили бы как конкретно-историческую или социологическую. Сопоставляя Демона с другими романтическими героями, в частности, с героями самого Лермонтова, и помещая его в конкретный контекст эпохи и общества, в которых было создано произведение, эта трактовка рассматривает основную проблему поэмы как проблему личности в ее отношении с обществом, эпохой, временем.

Если учесть уже давно подмеченную критикой близость Демона к самому Лермонтову, а значит, и к ряду его современников, такому подходу нельзя полностью отказать в справедливости.

Несомненна связь лермонтовской поэмы с исканиями русской передовой мысли 30-х гг. XIX в. Особенно близок поэт к Герцену и Белинскому, также пережившим в начале рассматриваемого периода увлечение романтизмом, также бившимся в тисках его противоречивых настроений и порывов и лишь к концу 30-х — началу 40-х гг., вместе с русской литературой, нашедшим выход из них на простор более действенных, конструктивных идей. Наиболее эффективно эта близость сказывается там, где они говорят о героях романтической литературы (в частности, самого Лермонтова) либо характеризуют душевное состояние романтически настроенной личности. В этом смысле важны, например, те страницы работ Герцена начала 40-х гг., где философ раскрывает корни романтических настроений и их причины: «Мы живем на рубеже двух миров, — пишет Герцен, открывая цикл своих статей *Дилетантизм в науке*. — Оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены — но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плодов... Люди внешние предаются в таком случае ежедневной суете, люди созерцательные — страдают: во что б ни стало ищут примирения, потому что с внутренним раздором, без краеугольного камня нравственному бытию человек не может жить»¹.

Не нужно особой проницательности для того, чтобы заметить, что здесь раскрывается душевное состояние, близкое к тому, которое в более возвышенном, символическом плане отражено и в переживаниях Демона. Но было бы, как нам кажется, натяжкой предположить, что, откликаясь на сходные

¹ А. И. Герцен, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. III, Москва, 1955, стр. 7.